

3. Костючков С. К. Ценностная сфера личности как феномен бытия: социально-философская интерпретация / С. К. Костючков // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: матер. междунауч. практ. online-конф., Витебск, 6 декабря 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: М. А. Слемнев (гл. ред.) и др. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. – С. 15-17.
4. Лотман Ю. М. К современному понятию текста / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.
5. Ясперс К. Истоки истории и её цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 28-287.

S.K. Kostyuchkov
Kherson State University
e-mail: kosser.63@ukr.net

The tragedy and farce of a totalitarian man in the novel of M. Bulgakov «The Heart of a Dog»

Key words: totalitarian man, sociocultural reality, values, «doublethinking», social totality, symbol.

The article discusses the figure of a «massive», «totalitarian» man, his modus in Soviet sociocultural reality of the 20–30s of the XX century in M. Bulgakov's novel «The Heart of a Dog». It is shown that the «totalitarian man» is thoroughly integrated into the graphic fabric of literary works of the 1920s and 1930s. By the author are revealed the main existential aspects of the tragedy and farce of a person in the system of a totalitarian society, where the individual quite naturally perceives his own «doublethink». The main character of the story is described in the context of a text analysis of the «genotype of a totalitarian person». Concluded that the rejection of a totalitarian society begins with an audit of the values that dominate it and determine the dynamics of progress or decline of society, generating a new order or new chaos.

Е.В. Крикливец
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: kriklivec@mail.ru

УДК [821.161.1+821.161.3]-31.09

ЛИРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, жанрово-стилевая модификация, повесть.

В статье раскрываются причины и специфика семантической и морфологической трансформации лирико-психологической повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века.

Развитие лирико-психологической повести пришлось на середину 1950-х – начало 1970-х годов и было обусловлено изменением авторских подходов к художественному осмыслению военных событий и послевоенной действительности.

Схематизм идеологической и производственной прозы, направленный на изображение «советской сверхличности», сменяется попыткой изображения реального человека и его внутренних переживаний (Ю. Бондарев «Батальоны просят огня», Г. Бакланов «Пядь земли», В. Астафьев «Звездопад», К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой», В. Белов «Привычное дело», В. Шукшин «Калина красная», В. Быков «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Альпійская балада», «Мёртвым не баліць», И. Пташников «Лонва», «Тартак», «Іллюк Чачык», Б. Саченко «Пакуль не развіднела», «Апошнія і першыя», А. Осипенко «Абжыты кут», «Канец бабінага лета», Я. Сипаков «Усе мы з хат» и др.).

Переход от нормативной эстетики к объективному отражению жизни и психологизации повествования осуществлялся в 1950-е годы в военной литературе в контексте «окопной» прозы. В повестях такого типа, как правило, преобладает трагический модус художественности. Драматизм произведений усиливается еще и тем, что хронотоп лирико-психологической повести в большинстве случаев ограничен несколькими сутками (одним боем) и масштабом окопа (батареи, роты), что приводит к максимальной напряженности сюжета. И если «авторы военных повестей конца 1950-х годов еще оглядывались на привычные конструкции военного романа начала десятилетия с его тенденцией к панорамности и событийности» [2, с. 74], то конфликт лирико-психологической повести в военной прозе 1960-х годов – это отражение ситуации наивысшего духовного напряжения, поставившей героя перед нравственным выбором (В. Астафьев «Звездопад», Г. Бакланов «Мертвые сраму не имут», Б. Васильев «А зори здесь тихие», В. Быков «Жураўліны крык», «Здрада», «Пастка», И. Шамякин «Начныя зарніцы», «Агонь і снег», И. Пташников «Тартак» и др.). Итогом этого выбора становится духовная победа или духовная гибель героя.

В таком разрешении психологического конфликта ощутимо наследие соцреализма с его стремлением к четкой дифференциации героев на положительных и отрицательных, на «идеологически

устойчивых» и «вредителей». Однако авторы лирико-психологической повести в значительной степени отдаляются от подобного схематизма, поскольку ситуация смертельной опасности и поведение героя в такой ситуации основаны на их личном (реальном) военном опыте. Это рефлексия автобиографических переживаний.

Отметим, что в повестях второй половины 1950-х годов зачастую нивелировалась значимость самого военного события, в котором герои принимали участие. Солдаты погибали за «Пядь земли» «Южнее главного удара». На первый план выходила психологическая значимость события, его влияние на формирование личности героя.

В произведениях, созданных в 1960-е – начале 1970-х годов (В. Астафьев «Звездопад», К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой», В. Быков «Альпийская баллада», «Мёртвым не баліць», «Круглянский мост», И. Пташников «Лонва», «Тартак», Б. Саченко «Пакуль не развіднела», «Апошнія і першыя» и др.), наблюдается стремление авторов сочетать глубину психологического анализа с объективным описанием реальных исторических событий.

В «деревенской прозе» преодоление нормативной эстетики осуществлялось через интеграцию (формальную или содержательную) повести с публицистическими жанрами: эссе, очерк, репортаж (Е. Дорош «Деревенский дневник», В. Овечкин «Районные будни», Ф. Абрамов «Вокруг да около» и др.). Уже в середине 1950-х годов становится очевидно, что официальная советская литература далека от правдивого изображения послевоенной деревни. Одним из первых эту проблему поднял Ф. Абрамов в статье «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе» [1]. Не случайно в эти годы появляется ряд произведений, отличающихся особой публицистичностью и социальной заостренностью конфликтов, основная цель которых – показать истинное положение дел в колхозе, «вскрыть» болевые точки.

Изображение социально-экономического кризиса стало предпосылкой для размышления о кризисе духовном, для поиска нравственных основ человеческого бытия. Залог нравственного возрождения виделся в «естественной» жизни в гармонии с природой, в традиционном патриархальном укладе, хранителем которого оставалось крестьянство даже после варварского разрушения общинного мира.

Обращение к истокам народной культуры несло в себе идею нравственно-религиозного обновления, которая в определенном смысле была противопоставлена дискредитировавшей себя государственной идеологии. Писателей, чьи творческие установки соотносились с данной тенденцией, стали называть «деревенщиками», поскольку сами они были выходцами из деревни, а значит, материалом для их произведений служила деревенская жизнь. Однако, как справедливо заметил А.И. Солженицын, «правильно было бы называть их нравственниками, ибо суть их литературного переворота – возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью» [3, т. 2, с. 63].

«Деревенская проза» и исповедующая те же эстетические принципы «тихая лирика», по сути, представляют собой возвращение к традициям почвенничества, заложенным во второй половине XIX века, которые были тесно связаны с поиском пути развития государства в условиях социального перелома. Нам представляется возможным говорить о том, что мировоззренческие и эстетические установки ряда белорусских писателей (Б. Саченко, И. Пташников, А. Осипенко, В. Адамчика, В. Козько, В. Карамазова и др.) соотносятся с идеями почвенничества, возродившимися в «деревенской прозе».

Сакрализация патриархального уклада, автобиографизм ряда повестей обусловили усиление лирического начала в прозе, актуализацию жанровой формы лирико-психологической повести: В. Солоухин «Владимирские проселки», В. Шукшин «Калина красная», В. Астафьев «Последний поклон» (1-я книга), Я. Брыль «Ніжня Байдуня», А. Осипенко «Абжыты кут», «Канец бабінага лета», Я. Сипаков «Усе мы з хат», А. Жук «Халодная птушка» и др.

Закономерно, что в прозе 1960-х годов имеет место своего рода идеализация народной жизни. Связать представление об идеале с народом было вполне в духе демократических традиций почвенничества. Поиск идеала в созидательном крестьянском труде, в народной мудрости и житейском опыте качественно отличался от социальных доктрин и классовых идеологий, выходил за рамки соцреалистической эстетики.

Герой лирико-психологической повести в контексте «деревенской прозы» представляет собой стремление писателей постичь амбивалентную сущность национального характера (В. Белов «Привычное дело», И. Пташников «Іллюк Чачык», В. Козько «Цвіце на Палессі груша» и др.).

Психологическая коллизия заключается в попытке деревенского жителя избежать духовной деградации, найти внутренние ресурсы для морального возрождения, которое мыслится залогом духовного возрождения всей нации.

Субъектная организация лирико-психологической повести и в русской, и в белорусской литературе второй половины XX века характеризуется преобладанием рефлексивной субъективности. Прозаики активно используют автобиографический, жизненный материал, как бы опредмечивая в произ-

ведении свое сознание. Этим объясняется преобладание диегетического типа нарратора в лирико-психологической повести о войне и актуализация сказового нарратора в «деревенской прозе».

В стиливом плане лирико-психологическая повесть представляет собой явление переходного характера, поскольку интенсификация этой жанровой разновидности повести обусловлена процессом преодоления, как русскими, так и белорусскими прозаиками канонов соцреалистической эстетики и переходом в русло социально-психологического реализма.

Продуктивным на данном этапе становится синтез реалистической парадигмы с элементами сентиментализма, романтизма и экзистенциализма (Б. Васильев «А зори здесь тихие...», В. Астафьев «Пастух и пастушка», К. Воробьев «Убиты под Москвой», В. Быков «Альпийская балада», «Да-жыць да світання» и др.), которые помогли писателям заострить гуманистическую проблематику произведений, раскрыть сущность экзистенциальной трагедии человека на войне, обогатить художественную систему новыми приемами и средствами выразительности.

В контексте «деревенской прозы» реалистическая повесть обогащается неомифологическими приемами моделирования реальности, что позволило усилить метонимическую семантику лирико-психологической повести, перейти к художественным обобщениям концептуального уровня: выявить «вечные» модели личных и общественных взаимоотношений, сущностные законы окружающего мира (В. Астафьев «Последний поклон», В. Шукшин «Калина красная», В. Козько «Цвіце на Палессі груша», В. Карамазов «Дзень Барыса і Глеба» и др.).

Таким образом, на семантическом уровне лирико-психологическая повесть представляет собой рефлексию и интерпретацию индивидуально-авторского опыта, отказ от модели «сверхличности» в пользу постижения живой человеческой души. Морфологические изменения связаны с возвращением писателей в русло классического реалистического искусства, а также с использованием элементов романтической условности (что способствовало усилению лирической доминанты).

Литература

1. Абрамов, Ф.А. Люди колхозной деревни в послевоенной литературе / Ф.А. Абрамов // Новый мир. – 1954. – № 3. – С. 210–231.
2. Лейдерман, Н.Л. Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. / Н.Л. Лейдерман. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 254 с.
3. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательский центр «Академия», 2006.

E.V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P.M. Masharov

e-mail: kriklivec@mail.ru

Lyrical-psychological novel in Russian and Belarusian prose of the second half of the twentieth century

Key words: Russian literature, Belarusian literature, genre-style modification, novel.

The article reveals the causes and specifics of the semantic and morphological transformation of the lyrical-psychological novel in Russian and Belarusian prose of the second half of the twentieth century.

И.К. Кудрявцева

Минский государственный лингвистический университет

e-mail: irina.kudriavtseva@gmail.com

УДК 821.111(73)-3.09(045)

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИТЕРА ТЕЙЛОРА

Ключевые слова: вежливость, межличностное общение, этическая категория, «южная школа» литературы США, Питер Тейлор.

В статье раскрывается значимость категории вежливости как характеристики межличностной коммуникации, этической категории и элемента социальной семиотики в произведениях американского писателя Питера Тейлора. Рассматривается проблема поверхностного понимания вежливости, при котором она сводится к речевому этикету и соблюдению внешних приличий, что приводит к дистанцированию коммуникантов и возникновению фальши в межличностных отношениях.

Вежливость как важнейшая характеристика поведения человека давно привлекает внимание специалистов в таких областях гуманитарного знания, как лингвистика, теория коммуникации, культурология, психология, семиотика, и это не случайно, ведь вежливости принадлежит важнейшая роль в регуляции взаимоотношений между людьми в различных формах коммуникации,